

Леонид Фризман

В КРУГАХ
ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

*Меллуарные
очерки*

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Ф 88

Ф88 Фризман Л.Г.

В кругах литературоведов: Мемуарные очерки. — 2-е изд., испр. и доп. — М.; СПб.: Нестор-История, 2017. — 380 с.

ISBN 978-5-4469-1248-3

Сборник мемуарных очерков известного советского, российского и украинского литературоведа рассказывает о людях, с которыми ему довелось общаться за более чем полвека своей научной деятельности. Среди них такие классики современной филологии, как Д. С. Лихачев, М. П. Алексеев, Д. Д. Благой, Б. Ф. Егоров, Н. Н. Скатов; ученые, с которыми у него сложились особенно продолжительные и близкие отношения, такие как М. Л. Гаспаров, В. Э. Вацуро, Г. М. Фридлендер, А. А. Аникст, Е. Г. Эткинд. Автор делится воспоминаниями о поддержке и помощи, которые он получал от своих коллег, и о препятствиях, которые ставились на его пути, о дискриминации, которой он подвергался. Публикуемые письма документально подтверждают правдивость освещения описываемых событий.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4469-1248-3

9 785446 912483

© Л.Г. Фризман, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

*Напрашивается то, чтобы писать без всякой формы:
не как статьи, рассуждения и не как художественное,
а высказывать, выливать, как можешь,
то, что сильно чувствуешь.*

Л.Н.Толстой

От автора

Я никогда не помышлял писать мемуары. Но в последние годы меня не раз приглашали участвовать в сборниках, которые выпускались в честь или в память видных литературоведов, и просили поделиться воспоминаниями о них и моих отношениях с ними. Я считал своим долгом откликаться на такие предложения, потому что это давало мне возможность выразить свою признательность людям, с которыми меня сводила судьба, многократно помогавшим мне словом и делом. В моем представлении эта книга не обо мне, а о них.

Составившие ее очерки — это не главы. Каждый из них самостоятелен, поэтому иногда приходилось повторять в разных очерках одни и те же факты. Последовательность их условна. Из самого ее названия явствует, что эта книга об ученых, а, как любил говорить Дмитрий Сергеевич Лихачев, плохой человек не может быть хорошим ученым.

Желаю моим читателям интересных встреч с хорошими людьми.

Вместо введения

Сказать, что мои детские годы прошли в кругах литературоведов, было бы преувеличением, хотя люди этой специальности, в том числе фигурирующие в этой книге Маргарита Орестовна Габель и Марк Владимирович Черняков, входили в дружеский круг моих родителей и бывали в нашем доме с довоенных времен. Но то, что я рос в мире литературы, это уж точно. Никогда меня не окружали стены, не занятые книжными полками. Хорошо помню, что до войны я уже свободно читал и особенно любил книги Бориса Жидкова «Что я видел» и Сергея Розанова «Приключения Травки». А уж «Дядю Степу» и «Мистера Твистера» знал наизусть. Мой отец Генрих Венецианович Фрирман был историком-медиевистом, мать Дора Абрамовна Гершман — музыкантом, сначала пианисткой, а потом — дирижером-хормейстером. Жившая с нами сестра отца Лидия Венециановна, которую всю жизнь звали Люсей, очень меня любила и была мне, можно сказать, второй матерью.

С родителями

В нашей семье был своего рода культ Ахматовой, Гумилева, Антокольского. Отец собирал все сборники стихов Антокольского, а Люся переписывала от руки недоступные в те годы сборники Ахматовой: «Белая стая», «Четки», «Anno Domini MCMXXI». Позднее и я переписывал «Россию» Волошина, «Лирическое отступление» Асеева... Храню эти рукописные «альбомы» как реликвии, свидетельства того, в каком положении держала советская власть и подавленную литературу, и свой несчастный народ.

Но это было потом. А главным событием моего детства, конечно, была война. 22 июня в 12 часов наша притихшая семья слушала по радио выступление Молотова, стараясь не пропустить ни слова, не проронить ни звука. И как только прозвучали последние слова: «Враг будет разбит. Победа будет за нами», — отец сказал: «Надо уезжать». Сталин еще отдавал приказы немедленно отбросить противника и перенести боевые действия на его территорию, а отец не питал иллюзий и был уверен, что Харьков будет сдан. На следующее утро он поехал на вокзал и, вернувшись с потемневшим лицом, рассказал, что там висит объявление: «Билеты продаются только по приказу военного коменданта».

Маминых родителей уговаривать не пришлось. Они сразу ответили: «Куда ты, туда и мы». А бабушка по отцовской линии отказалась уезжать наотрез: она, дескать, видела немцев во время Первой мировой войны, это такие интеллигентные люди, их нечего опасаться... Ее, разумеется, убили.

Вскоре начались бомбежки. Среди ночи взывала сирена, радио передавало: «Граждане, воздушная тревога!» — и мы бежали в бомбоубежище. Эта многократно повторявшаяся фраза сопрягалась в моем детском мышлении со стихами Ахматовой. В ее стихотворении «Лотова жена» есть строка «Но громко жене говорила тревога». Для меня пятилетнего слово «тревога» имело только одно значение: «воздушная тревога».

Уехать из Харькова было трудно. Меня и маму спасла тетка — Серафима Николаевна Фрирман. Коммунистка с дореволюционным стажем, участница Гражданской войны, она была начальницей санитарного эшелона, увозившего в тыл раненых, пристроила там и нас. Хотя количество вещей, которые можно было взять с собой, ограничивалось лишь самым необходимым, для меня везли какие-то игрушки, машинки, кубики. Как же, ведь ребенку нужно будет чем-то играть! Отец и его сестра выбрались из города в последний момент, буквально из-под гусениц немецких танков. После месяца беспорядочных скитаний мы соединились в Уральске, где и прожили до лета 1944 года.

Жили трудной, полуголодной жизнью. Отец страдал тяжелой формой бронхиальной астмы, из-за которой его не призвали в армию. Неимоверными усилиями он умудрился дописать начатую в Харькове кандидатскую диссертацию и защитить ее в Саратовском университете. Но нормально работать, читать лекции астма

ему не давала, и мамина зарплата долго оставалась единственным источником нашего существования.

Мама работала хормейстером военного училища, эвакуированного из Ленинграда, и поэтому была награждена не только медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», которую давали всем, но и «За победу над Германией», полагающуюся только военнослужащим. Ее не хотели отпускать, предлагали квартиру и любые блага в Ленинграде, но отец об этом и слышать не хотел — рвался только в родной Харьков. Мама была, конечно, измождена тяжелой работой и недоеданием. Папа острил: война — лучший способ сделать женщин изящными.

Меня определили в детский сад: кормежка, которую я там получал, хоть как-то облегчала положение семьи. По этой причине я и в школу пошел на год позже, и в Уральске закончил только первый класс. Книги, понятное дело, были почти недоступны, но папа считал, что война не война, а ребенок должен развиваться нормально, и вечерами рассказывал мне содержание книг, которые, по его мнению, мне следовало читать в этом возрасте: «Золотой ключик», «Чук и Гек», сказки Андерсена, «Похождения Мюнхгаузена», «Дети капитана Гранта», «Приключения Тома Сойера».

Я жадно интересовался событиями на фронте. По несколько раз в день слушал сводки «От советского Информбюро» и «Приказы Верховного Главнокомандующего». Когда мама приносила из училища какие-нибудь газеты, зачитывал их до дыр. Отчетливо помню огромное впечатление, которое производили на меня статьи Ильи Эренбурга, большинство которых печатала «Красная звезда». Наверное, я мало что в них понимал, но меня завораживала их тональность, боль и гнев, клокотавшие в каждой строке. Эти короткие призывные предложения звучали как набат.

Стал и сам делать записи о происходивших событиях. Объемная тетрадь с такими записями, на обложке которой красуется надпись «Война», цела до сих пор и лежит сейчас передо мной. Вначале обширный исторический экскурс. Описаны события, предшествовавшие мюнхенскому сговору, разоблачена предательская политика Англии и Франции, которой противопоставлена благородная позиция Советского Союза, последующий захват Чехословакии, нападение на Польшу. Рассказано о гитлеровской агрессии против Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии и о разгроме Франции. В полном соответствии с тогдашней советской пропагандой

освещено присоединение к СССР прибалтийских республик. Наконец разоблачено вероломство Гитлера, нарушившего советско-германский пакт о ненападении, и «анализируются» причины поражений Красной армии в первые месяцы войны.

Память у меня была цепкая: все деревни, где происходили бои, и имена отличившихся командиров я знал наизусть. Мама водила меня в училище, где устраивала мои «политинформации» для курсантов. Восхищенные слушатели, понятное дело, не скупилась на похвалы, а какая же мать упустит возможность похвастать способностями своего сына!

Возвращение в освобожденный Харьков, или, как тогда говорили, реэвакуация, осуществлялось только по вызовам. Моему отцу вызов пришел с большой задержкой. Это были первые проявления зарождавшегося государственного антисемитизма, который позднее расцвел буйным цветом, достигнув апогея в таких событиях, как убийство Михоэлса, расстрел в подвалах Лубянки членов Еврейского антифашистского комитета и арест «врачей-вредителей». Из-за этой задержки мы лишились квартиры, которую могли бы получить, приехав на несколько месяцев раньше, но возвращение в родной город воспринималось как счастье.

Во время переезда из Уральска в Харьков я сильно отравился и выжил чудом. Лишь через много лет я узнал, что меня соглашались лечить, только получив у отца расписку, что он не будет предъявлять претензии в случае моей смерти. Маме он об этом не рассказывал, не хотел, чтобы она знала, как велика была угроза.

Лечение мое растянулось на годы, меня не раз клали в больницу, и моя учеба в школе пошла наперекосяк. По истории и литературе я был на высоте, но с предметами физико-математического рода возникали нешуточные проблемы. Репетитор, которого мне взяли, не только помог мне закончить школу, хоть и без медали, но достаточно пристойно, но уверял, что я одарен именно по его линии.

Погиб ли во мне великий математик, неизвестно, но неоспоримым фактом является то, что на протяжении нескольких десятилетий мой ближайший дружеский круг составляли не литературоведы, а математики и теоретики, притом не абы какие, а с достаточно известными именами. Я назову их без отчества, как называл, когда все они были живы и я жил с ними в одной стране. Мусик Каганов, Фред Басс, Вова Кошкин, Юра Гуревич, Юра Гандель, Юра Бережной, Люсик Вербицкий, Миша Ястребенецкий,

Леня Ставницер, Саша Френкель. Под их влиянием я пытался уменьшить прорехи в своей осведомленности в области точных наук, корпел над классическим учебником Е. Куранта и Г. Роббинса «Что такое математика».

Фризман, Кошкин, Басс

Вместе с Вовой Кошкиным мною вынашивалась идея создания новой науки — литературометрии, существом которой было бы применение к изучению литературы статистических методов. Поскольку эти попытки, совместно подготовленные нами доклады и публикации по тематике вызвали интерес и получили поддержку Михаила Леоновича Гаспарова, я рассказываю о них в посвященном ему очерке «Обманчивый коллега».

И все же я убежден, что постоянное общение с математиками и теорфизиками, да еще такого уровня, не прошло для меня бесследно. Я ездил на разного рода семинары и выездные «школы», и, хотя участвовал лишь в «культурных программах», выступая с докладами о поэтах и авторской песне, они на какое-то время становились моей средой обитания, и какие-то навыки присущего им склада мышления, надо думать, проникали в меня, пусть и в небольших дозах. Отсюда, видимо, присущая мне устойчивая тяга связывать своеобразие поэта с количественными показателями его словаря, и установка на системность любого анализа, более свойственная представителям точных наук, чем гуманитарных. Но от любых самооценок воздержусь, доверившись суду со стороны.

Твардовский, Буртин и другие

*Чтоб нам хоть слово правды
по-русски вытало прочесть.*

Б. Чичибабин

В начале марта 1962 года я получил письмо от А. Т. Твардовского. Этому предшествовало его выступление на торжественном заседании в Большом театре со «Словом о Пушкине», где он, в частности, сказал: «Разве ограничивается идейно-художественное содержание и значение одного из самых известных произведений политической лирики Пушкина “Клеветникам России” тем, что непосредственный повод его — Польское восстание 1830–1831 годов?»¹. Эти слова задели меня за живое. Я давно был убежден, что стихи «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» толкуются у нас искаженно и предвзято, что мы боимся «обидеть» Пушкина, вскрыв их конкретно-исторический смысл и звучание, которое они имели в свое время. И вот Твардовский отделяет идейно-художественное содержание и значение этих стихов от их непосредственного повода! Может быть, это открывает возможность сказать правду о нем, о поводе? Ведь Твардовский был тогда в чести: депутат Верховного Совета, кандидат в члены ЦК КПСС. Казалось, ему позволят то, что запретно для других.

И я написал большое письмо, где на трех или четырех страницах высказал то, что думал о стихах «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», и предложил развернуть его в статью на эту тему. Ответ пришел немедленно. Вот его текст:

Уважаемый тов. Фризман!

Мне очень приятно было получить Ваше письмо в связи с моей речью о Пушкине и по душе мысли, высказанные в нем. Большую «аргументированную статью на эту тему» «Новый мир» вряд ли сможет сейчас поместить. Но, во-первых, возможно, мне удастся опубликовать Ваше письмо в ряду других писем в связи со «Словом о Пушкине», а во-вторых, не попытаться ли

¹ *Твардовский А. Т.* Собр. соч. В 6 т. М.: Худож. лит., 1976–1983. Т. 5. М., 1980. С. 371.

бы Вам написать что-нибудь на собственно современную тему? Писать Вы можете — это, по крайней мере, вполне очевидно. Желаю Вам всего хорошего.

А. Твардовский
5 марта 1962 г.²

А. Т. Твардовский

Конечно, отказ есть отказ. Но я уже сорвался с цепи. «Мысли по душе», «писать Вы можете» — нетрудно представить себе, что значило для двадцатилетнего учителя школы рабочей молодежи подобное ободрение, да еще из уст самого Твардовского! Статью я написал, обивал с нею пороги разных журналов, но безуспешно: все выражали мне одобрение, но никто не хотел брать на себя ответственность за публикацию крамольного сочинения. И лишь тридцать лет спустя его напечатали «Вопросы литературы».

Не забыл я и о предложении Твардовского написать что-нибудь на собственно современную тему. Но случилось так, что в двери «Нового мира» я постучался лишь через несколько лет. Предложенная мной статья называлась «Ирония истории». Замысел ее был обязан своим возникновением словам Энгельса: «Люди, хвалившиеся тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что *сделанная* революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гельс называл “иронией истории”»³.

Когда я стал пересматривать произведения и особенно письма Маркса и Энгельса, то убедился, что выражение «ирония истории» повторяется в них десятки раз, что им обозначается не менее чем закономерность исторического развития, что это ключ, помогающий и глубже понять прошлое, и правильнее разобраться в настоящем. А какая еще эпоха способна была дать такое изобилие примеров действия этого закона, как не эпоха Брежнева, эпоха всепронизывающей

² Твардовский А. Т. Собр. соч. Т. 6, 1983. С. 189.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. М.: Госполитиздат, 1955–1981. Т. 36. М., 1964. С. 263. Здесь и далее курсив или другое выделение слов в цитатах при отсутствии особых оговорок принадлежит автору цитируемого текста.

лжи, фальшивых ценностей, вымышленных успехов, беспримерного разлада между словом и делом! Моим глубинным устремлением, которому я не в силах был противостоять, была жажда выразить свое отношение к советской действительности. Помнится, я думал тогда, что, если бы я мог предпослать своей статье такой эпиграф, как хочу, я выбрал бы заключительные строки одной из баллад А. К. Толстого:

Российская коммуна, Прими мой первый опыт!⁴

Между письмом Твардовского и моим приходом в «Новый мир» произошло два важных события. В конце 1962 года в нем была опубликована повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича», вслед за ней еще несколько его произведений, а летом 1963-го — поэма Твардовского «Теркин на том свете».

Когда я предлагал «Новому миру» статью о Пушкине и Польском восстании, меня вдохновляло убеждение, что «Новый мир» и его редактор настолько независимы и влиятельны, что способны пренебречь легко ожидаемым сопротивлением пушкиноведческой элиты и предать гласности крамольный с ее точки зрения материал.

Но в свете последующих поступков Твардовского слова в его письме, что ему **«по душе»** мысли, мной высказанные, наполнились для меня намного более значимым содержанием, я услышал в них одобрение своего бунтарства и нонконформизма. Ведь «Один день Ивана Денисовича» и «Теркин на том свете» были потрясением основ в несравненно большей степени, чем любое обновленное толкование стихов «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина».

Не зря автор «Теркина» упредил свою поэму строфами, где эта установка сформулирована в самых обобщенных выражениях, применимых к разным конкретным ситуациям:

Обложка отдельного издания поэмы.

Рисунок О. Г. Верейского

⁴ Толстой А. К. Собр. соч. В 4-х т. М.: Изд. худож. лит, 1963–1964. Т. 1. М., 1963. С. 326.

Не спеши с догадкой плоской,
Точно критик-грамотей,
Всюду слышать отголоски
Недозволенных идей.

И с его лихой ухваткой
Подводить издалека —
От ущерба и упадка
Прямо к мельнице врага.

И вздувать такие страсти
Из запаса бабьих снов,
Что грозят советской власти
Потрясением основ.

Не ищи везде подвоха,
Не пугай из-за куста.
Отвыкай. Не та эпоха —
Хочешь, нет ли, а не та!⁵

Автограф А. Т. Твардовского

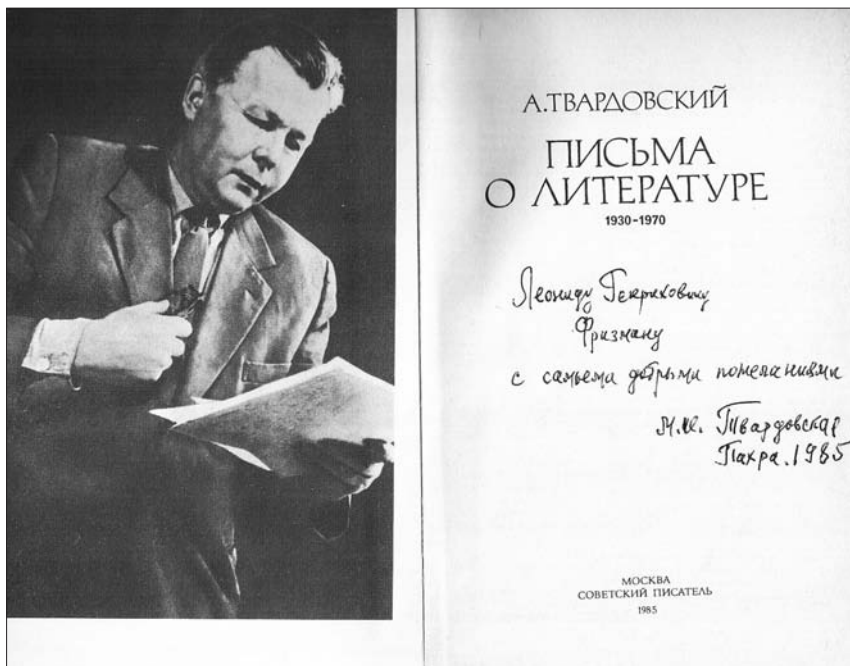
Надежда на взаимопонимание, которую я робко позволял себе питать, обращаясь к нему со своим письмом, полностью подтвердилась, когда я увидел, что из всех своих книг, которыми он мог бы меня одарить, он остановил свой выбор на отдельном издании поэмы «Теркин на том свете». Я счел это неоспоримым подтверждением того, что он почувствовал биение моего сердца, одобрил готовность вторгаться в запретные области, да как! **«Написать что-нибудь на собственно современную тему».**

Как и следовало ожидать, поэма вызвала взрыв ярости у сталинистов, которых в ту пору иронически именовали «бывшими слушателями культа». Из первых ринулся в бой верный знаменосец кочетовского «Октября» Дмитрий Стариков со статьей «Теркин

⁵ Твардовский А. Т. Собр. соч. Т. 3. М.: Худож. лит., 1978. С. 326.

против Теркина». Не промолчал и софроновский «Огонек». А события развивались в мрачном направлении. В 1964 году был отстранен от власти Хрущев, сразу же его зять Аджубей потерял пост редактора «Известий», газеты, которая первой, в обгон «Нового мира», хотя и с его согласия, напечатала «Теркина на том свете».

Но приходили и обнадеживающие вести. В ноябре 1963 года мы узнали, что В. Н. Плучек готовит в Театре сатиры спектакль по поэме «Теркин на том свете». Мне удалось побывать на нем дважды, и я видел изменения в постановке, которые вносились в нее, конечно, по желаниям Твардовского. Спустя много лет, в 1985 году, я получил от Марии Илларионовны Твардовской (о ней речь впереди!) составленный ею сборник «А. Твардовский. Письма о литературе». Это книга, которой нет цены. В ней опубликованы сотни писем — намного больше, чем в «Собрании сочинений», в том числе чрезвычайно важные письма к В. Н. Плучеку. Представляете себе, с каким интересом я через двадцать лет (!) сверял свои впечатления от спектакля с замечаниями, высказанными Твардовским!

Автограф М. И. Твардовской

Рецензии на постановку, появлявшиеся в печати, разумеется, были отрицательными. Я пробовал участвовать в этой дискуссии, да куда там! «Честная “Литературная газета”», как ее обычно называл Солженицын, не дала высказаться ни мне, ни моим единомышленникам. Должен признаться, что моя оценка спектакля не во всем совпадала с оценкой Твардовского. Собственно говоря, у него была не одна, а две оценки.

В письме, посланном в «Литературную газету», он взял спектакль под защиту, отверг обвинения его критиков и выразил благодарность и удовлетворение тем, что сделано театром. «Литгазета» напечатала это письмо, присовокупив к нему комментарий редакции, в котором оценка автора поэмы была названа «односторонней». А в большом письме к Плучеку от 7 января 1966 года Твардовский был полностью откровенен и высказал немало критических замечаний, причем достаточно резких.

Естественно, вначале сказаны слова, под которыми каждый из нас был бы готов подписаться, — «слова похвал и моего искреннего восхищения всем тем, что сделано Вами, Папановым (исполнителем роли Теркина. — *Л.Ф.*) и другими и что составляет безусловную и реальную ценность спектакля, о котором я ни от кого из видевших его не слышал ни единого слова сомнения относительно идейной и художественной правомерности этого неожиданного, как редкий подарок, явления искусства»⁶.

Замечания, высказанные им далее, мне казались мелкими, что совершенно естественно: не мог мой взгляд восторженного зрителя совпасть с требовательностью автора поэмы, который судил о сценическом перевоплощении его родного детища! Но в одном Твардовский был, как мне кажется, совершенно прав. «...Чего душа моя не приемлет, — писал он, — это “герлс” буржуазного того света с его “разложением”. Не нужно их в природе. Они слишком безусловно телесны со всеми их “статями”, так что слова о том, что это “женский пол условный”, очень неубедительно звучат. Они должны быть “теньями”, мнимостью. Куда лучше они чувствуются без их зримой телесности, когда Теркин с другом подсматривают в щелку, что там делается, “за границей”»⁷. Я думаю, что здесь имел место чисто тактический просчет, который дал уже упоминавшемуся

⁶ Твардовский А. Т. Письма о литературе. М.: Советский писатель, 1985. С. 294.

⁷ Там же. С. 296–297.

Д. Старикову повод лишний раз поглумиться над Твардовским... И все же — низкий поклон Плучеку и его театру! По моим наблюдениям, спектакль шел часто, был сравнительно доступен и у многих оставил такой же след в памяти, как у меня.

В моем восприятии Твардовского одно из важнейших, если не самое важное, мест всегда занимало его отношение к Сталину и то, как оно запечатлено в его произведениях. Мне одно время представлялось, что имел место естественный процесс: по мере того как становился известен чудовищный размах и характер сталинских преступлений, менялось и отношение Твардовского к «великому вождю». Оказалось, что дело обстояло иначе и сложнее.

Со времени появления первых стихов Твардовского до смерти Сталина прошло около трех десятилетий — большая часть его творческого пути. Написана поэма «Страна Муравия», принесшая ему широкую известность, завоевал сердца миллионов «Василий Теркин», в наши души запали десятки стихотворений. Твардовский — один из руководителей Союза писателей, лауреат Сталинской премии 1-й степени, член Ревизионной комиссии ЦК КПСС, главный редактор самого авторитетного литературного журнала «Новый мир». И на протяжении всех этих лет имя Сталина не упоминается в стихах поэта. Ведь когда Твардовский описывает Москву:

С подземными магистралями,
Гудящими, как струна.
Большую с заводом Сталина
И малую — в три окна⁸ —

это ведь не Сталин упоминается, а завод; как упоминание Сталинграда — это упоминание города, а не деятеля, имя которого ему присвоено.

Конечно, подобные умолчания обнаруживались и у других авторов. Когда Паустовский после смерти вождя осмелился напомнить, что в его произведениях отсутствует имя Сталина, в какую ярость пришла придворная челядь, все эти грибачевы, сурковы, бажаны: ишь, мерзавец, как исхитрился! Но тематика произведений Паустовского была такой, что отсутствие имени Сталина не очень-то бросалось в глаза. А Твардовский писал такие стихи, как «Кремль зимней ночью», «Москва», «Песнь о Москве», «9 Мая»,

⁸ Твардовский А. Т. Собр. соч. Т. 3. М., 1978. С. 68.

Содержание

От автора.....	5
Вместо введения.....	6
Твардовский, Буртин и другие.....	11
Притупленное жало Овода.....	49
Молодой Баткин.....	52
Память о Лихачеве.....	61
Пигарев и Двинянинов.....	71
Кандидат, превзошедший академиков.....	79
В кругу пушкинистов.....	94
Ученый, редактор, личность.....	106
Две встречи с Грибоедовым.....	114
«Аз и Я» и я.....	122
Норвежский исследователь русской литературы.....	130
Влюбленность.....	137
«...Об уме Юры Фридлиндера».....	146
Первая защита.....	151
В кругу лермонтоведов.....	162
Б.Ф. глазами Л.Г.....	179
Обаяние Аникста.....	197
«Поэт фактов».....	203
Г.В. Краснов: мелочи из запасов моей памяти.....	210
Мой Н.Н.....	215
Вторая защита.....	222
Рыцарь литературной науки.....	237
В мире бардов.....	248
Дорогие мои томичи.....	259
Валик и Верочка.....	268
Янковский и Бураго.....	273
Слово о Марке Теплинском.....	281
О Мише Гиршмане — ученом, человеке, друге.....	288
Служили два товарища.....	292
Многоликий профессор.....	301
Полвека в «Воплях».....	311
Дружба с Дружниковым.....	322
«Обманчивый коллега».....	330
О писательской критике и Иване Франко.....	352
Наука и нравы.....	365

12+

Леонид Фризман

В КРУГАХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

Мемуарные очерки

Редактор *Е. В. Горшкова*
Корректор *Т. В. Никонова*
Оригинал-макет *А. А. Крыласов*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 07.12.2017. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 23,75

Тираж 500 экз. Заказ № 1041

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел.: +7 965 048 04 28